

Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

«Страна вина»

«Лягушки»

«Большая грудь, широкий зад»

«Сорок одна хлопушка»

«Красный гаолян»

«Устал рождаться и умирать»

«Перемены»

«Тринадцатый шаг»

«Чесночные баллады»

МО
ЯНЬ

Ну и шутник же
вы, мастер

INSPIRIA

Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan
SHIFU, YOU'LL DO ANYTHING FOR A LAUGH
Copyright © 2000, Mo Yan
All rights reserved

Перевод с китайского *Надежды Сомкиной*
Литературный редактор *Ольга Немира*
Художественное оформление *Алексея Гаретова*

Мо Янь.

М74 Ну и шутник же вы, мастер / Мо Янь ; [перевод с китайского
Н. Сомкиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-223628-0

Когда привычный мир рушится, человеку остается лишь одно — сохранить достоинство и не потерять себя.

Что делать рабочему, которого увольняют за месяц до пенсии после сорока трех лет безупречной службы?

Как выжить ребенку в мире, где голод сильнее сострадания?

Можно ли сохранить человечность среди насилия, произвола и абсурда истории?

В сборник вошли семь рассказов лауреата Нобелевской премии Мо Яня — одного из самых ярких современных китайских писателей. Его герои — простые люди, оказавшиеся лицом к лицу с беспощадной бюрократией, историческими катастрофами и стремительно меняющимся миром. Соединяя беспощадный реализм с притчей, гротеском и почти фантастическими образами, Мо Янь создает мир, в котором трагедия нередко оборачивается черной комедией, а абсурд оказывается точнее любого документального свидетельства.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

© Сомкина Н., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-223628-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

БЫК

1

В те годы я был подростком.
В те годы я был самым неумным подростком в деревне.
В те годы я был самым бесячим подростком в деревне.

Такой подросток особенно бесит тем, что даже не догадывается, как он всех бесит. Он всегда лезет туда, где шумно и весело. Услышит, что кто-то о чем-то говорит, — сразу навестрит уши, и неважно, понял он, о чем говорили, или нет, все равно влезет со своим мнением.

Подхватит оброненную фразу или увидит что-то — и уже мчится рассказывать всей деревне. Встретит взрослого — расскажет взрослому, ребенка встретит — расскажет и ребенку. А не встретит ни взрослого, ни ребенка — будет сам себе рассказывать. Словно, если удержит в себе хоть слово, у него нутро взорвется. Он свято верит, что все его обожают. И ради того, чтобы угодить, может наломать немало дров.

Вот, например, в тот полдень, когда деревенские бездельники сидели под ивой у пруда, играя в покер, я тут же пристроился рядом. Чтобы привлечь внимание, я кошкой вскарабкался на иву, уселся в развилке веток и стал орать, подражая кукушке. Долго куковал, но никто даже не взглянул на меня.

Мне стало скучно, и тогда я начал сверху наблюдать за игрой. Вскоре у меня зачесался язык:

— А у этого большой джокер!¹

Этот задрал голову и рывкнул:

— Лохань, тебе жить надоело?

Когда другой вытянул малого джокера, я снова не выдержал:

— А у того малый джокер!

— Коли язык чешется — о кору почеси! — прорычал тот другой.

Но я продолжал верещать со своего дерева, пока окончательно не взбесил игроков. Они принялись ругать меня разными словами. Я со своей ивы бранился на них в ответ. Наконец у них лопнуло терпение, они побросали карты, разбрелись кто куда, набрали окрест кирпичей и черепков, выстроились в стрелковую цепь и открыли огонь по дереву. Сначала я думал, что со мной играют, но потом мне в голову прилетело полкирпича. В мозгах загудело с эхом, из глаз посыпались искры, но, к счастью, я вцепился в сук обеими руками и не свалился. Тут-то я и понял, что игры кончились. Чтобы укрыться от атаки, я подпрыгнул повыше, к острой верхушке ивы. Верхушка не выдержала, с треском подломилась, и я в компании сухого сучка помпезно рухнул в пруд, так что брызги разлетелись во все стороны. Бездельники расхохотались. Я был рад, что рассмешил их. Их смех означал, что я их больше не бешу. И пусть на голове вздулась лиловая шишка, и пусть тело покрыл толстый слой ила и жижи! Когда я, похожий на грязную обезьяну, выполз из пруда, до меня смутно дошло: я нарочно сломал верхушку ивы. Чтобы привлечь их внимание, чтобы рассмешить их, чтобы их развеселить. У меня слегка побаливала голова, и по лицу, словно маленькие жучки, поползли горячие капли. Бездельники уставились на меня. Я тоже уставился на них. Я заметил, как на их лицах появилось что-то вроде изумления. Когда я, пошатываясь, прислонился к стволу ивы, один из них вдруг закричал:

¹ Достоинство карт в китайском покере. — Здесь и далее примечания переводчика.

Бык

— Плохо дело, пацан сейчас помрет!

Бездельники на мгновение застыли, а затем с воплями разбежались, словно ветром сдуло. Мне стало невероятно скучно, я привалился спиной к иве, в голове царил полумрак, и вскоре я провалился в сон.

Когда я очнулся, под ивой снова собралась толпа. Мой дядя Ма, начальник производственной бригады с рябым лицом, выгреб меня из-под дерева.

— Лохань! — гаркнул он, назвав меня детским именем. — Ты что тут делаешь? Почему голова разбита? Ну и видок же у тебя, словами эдакой красы не описать! Мать тут глотку надорвала, орала на весь свет, тебя звала-искала, а ты, вишь, шляешься без дела! Давай-ка марш домой!

Я стоял под ослепительными лучами солнца, и голова у меня слегка кружилась.

— Смой грязь и кровь с головы! — велел рябой дядя Ма.

Я послушался, присел на корточки у пруда и начал как попало плескать на себя воду, ополаскиваясь наспех. Холодная вода затекла в рану на голове, было немного больно, но терпимо. В этот момент я увидел, как к пруду подошел дедушка Ду, наш скотник, ведя за собой трех быков.

— Ну же, идем, идем! — громким голосом подгонял их он. — Нечего бояться! Хоть и страшна невеста, а свекрам все одно казаться.

Ни одному из трех быков не вдели в нос кольца. Задирая головы против солнца, они упирались настоянию дедушки Ду. Все трое были мои друзья — прошлой зимой и нынешней весной, когда с кормом было туго, мы с дедушкой Ду пасли их на заснеженных полях. Как и прочие местные коровы, они научились у монгольских буренок разгребать копытами снег в поисках травы. Тогда они были еще совсем маленькие. Я даже не думал, что за зиму они так вымахают. Все трое были бычки. Двое желтых с белыми мордами лусийской породы ходили друг на друга как две капли воды, словно близнецы. А огненно-рыжий бычок с двумя горбиками на спине был детенышем той самой монгольской коровы с кривым хвостом.

Я прозвал его Двуспинком. Этот Двуспинок был отъявленным хулиганом — еще прошлой зимой во время выпаса он норовил исподтишка запрыгивать на коров. Дедушка Ду сперва смотрел на это сквозь пальцы, мол, прыгай не прыгай — все одно толку не будет, но вскоре старик обнаружил, что негодник вполне себе грехоспособен, и поспешил связать ему передние ноги веревкой. Но даже это не помешало Двуспинку запрыгивать на коров, включая собственную монгольскую мамашу. Дедушка Ду говаривал: «Лошади и мулы — ровня ученому мужу, а быкам хоть родную мать под себя подминать!»

— Эй, дедушка Ду, давай-ка пошевеливайся! — прикрикнул рябой дядя Ма. — Ты тут копаешься, а товарищ Лао Дун уже измаялся весь, тебя ждавши!

Товарищ Лао Дун, присевший на корточки у торцевой стены дома семьи Цзи, лишь выпустил папиросный дым:

— Ничего, ничего! Не к спеху!

Товарищ Лао Дун работал ветеринаром на местной станции. Высокий, с землистым лицом, синеватыми губами и запавшими глазами, которые подчеркивала черная оправка толстых стекол очков. Он постоянно горбился, отчего делался похож на креветку, а еще не расставался с сигаретой, смоля одну за другой, при этом постоянно кашляя и сплевывая мокроту. Указательный и средний пальцы на его правой руке успели пожелтеть от никотина, выдавая в нем заядлого курильщика. Но сигарету он держал невероятно красиво, ладонью в форме орхидеи¹, как складывают артистки пекинской оперы. Когда я вырос, то невольно перенял эту манеру.

Рябой дядя Ма подскочил к бычкам, раздал по кулаку каждому из лусийцев и лягнул Двуспинка в бок. Животные рванули вперед и в несколько прыжков оказались под ивой.

Дедушка Ду, которого проволокло за поводьями через всю полянку, едва стоял на ногах и причитал:

¹ Сценический жест артистов пекинской оперы женского амплуа, когда большой и средний палец соединены вместе, а остальные приподняты, словно лепестки раскрывшегося цветка.

Бык

— Что за безобразия... Совсем с ума посходили...

— Хватит бурчать! — огрызнулся рябой дядя Ма. — Давно пора было привести быков, мы уже заждались!

Товарищ Лао Дун поднялся с места и примирительно сказал:

— Ничего страшного, делов-то на пару минут.

— На пару минут?! — затряс лысой головой дедушка Ду, выпучив глаза. — Ты что, товарищ Лао Дун, холостить трех быков за пару минут? Я, брат, не раз видел, как это делается!

Товарищ Лао Дун, не вынимая сигареты из рта, шмыгнул за иву и пустил в пруд струю. Когда журчание стихло, он вышел обратно, широко расставил ноги, застегнул ширинку, потер руки и прищурился:

— И когда это вы, говорите, видели, как быков холостят?

— Еще до освобождения¹, — отозвался дедушка Ду. — Тогда по старинке делали: сначала промасленной веревкой туго перевязывали яйки у самого основания, чтобы кровь не поступала. Потом брали дубовую колотушку, что в масле до того вымачивали, подкладывали под яйки плоский камень и начинали тихонечко отбивать. Молотили, пока те не превращались в лепешку. На одного бычка уходило до полудня. А у бычков-то глаза закатывались, и так мычали, так мычали!

Товарищ Лао Дун выплюнул окурок и презрительно сказал:

— Этим варварским методам давно пришел конец! В старом обществе и люди мучились, и скот страдал!

— Верно! — поддакнул рябой дядя Ма. — В новом обществе и людям благо, и скотине вольготно!

— В старые времена яйца-то у людей не кромсали... — тихонько пробормотал дедушка Ду. — А вот в новом обществе как раз...

— Эй, старик! — оборвал его рябой дядя Ма. — Если жить надоело — иди веревку ищи да на ближайшем суку удавись! Нечего тут чепуху молоть!

¹ Освобождением китайцы называют образование КНР в 1949 году.

— А что я? — закатил уязвленные бельмами глаза дедушка Ду. — Ничего я не говорил...

Товарищ Лао Дун взглянул на часы и сказал:

— Начинаем. Лао Гуань, засекай время — посмотрим, сколько минут уйдет на каждого бычка.

Он снял часы и протянул их рябому дяде Ма, затем закатал рукава и потуже подтянул ремень. Из верхнего кармана он вытащил блестящий узкий ножик, по форме напоминающий ивовый лист. Лезвие сверкало на солнце. Потом из брючного кармана достал темно-бордовый пузырек, открыл крышку, вытащил пропитанный йодом ватный тампон и протер им лезвие и пальцы. Использованный тампон он бросил на землю.

Бездельник У Ци, местный любитель поглазеть на все подряд, тут же подхватил его и принялся мазать йодом паршу на ногах.

— Ну что, начальник Лао Гуань, начинаем! — объявил товарищ Лао Дун.

Рябой дядя Ма поднес часы товарища Лао Дуна к уху, склонил голову и замер с торжественным видом, прислушиваясь к тиканью. Я подскочил к нему, застав врасплох, выхватил часы и закричал:

— Дай и мне послушать!

Едва я успел поднести их к уху, как рябой дядя Ма вцепился мне в запястье, вырвал часы и заодно отвесил подзатыльник.

— Вот паршивец! — зло прикрикнул он. — Что ж ты всем назло делаешь?!

И стукнул меня еще раз.

Хоть я и получил по шее дважды, внутри все распирало от радости. Я ведь дотронулся до часов товарища Лао Дуна, и не просто дотронулся — я успел поднести их к уху, считай, что услышал, как они тикают.

Товарищ Лао Дун велел дедушке Ду передать двух из трех быков зевакам — те взяли Двуспинка и старшего лусийца, оставив старику лишь младшего.

Бык

— Хорошо, — сказал товарищ Лао Дун с акцентом чужих краев, — ты не мешай, просто води быка вперед.

Дедушка Ду покорно потянул быка за собой, бормоча что-то невнятное под нос.

Товарищ Лао Дун обернулся к рябому дяде Ма:

— Лао Гуань, как только я наклонюсь — сразу засекай время. Не раньше!

— Товарищ Лао Дун, честно говоря, я не очень-то разбираюсь в этих ваших часах, — смущенно признался рябой дядя Ма.

Товарищу Лао Дуну пришлось подойти и объяснить, и я услышал лишь:

— Считай, сколько кругов сделает эта красная стрелка. Один круг — одна минута.

В этот момент дедушка Ду уже привел младшего лусийца обратно.

— А ну назад! — сказал товарищ Лао Дун. — Иди вперед и не оглядывайся, пока не скажу!

— А что будет, если я все-таки оглянусь? — спросил дедушка Ду.

— Кровью тебе всю рожу забрызгает, — ответил товарищ Лао Дун.

Солнце светило так ярко, что шкура быка в его лучах лоснилась, словно промасленная. Дедушка Ду тянул повод, пытаясь заставить младшего лусийца идти быстрее, но тот почему-то идти не желал, запрокидывая голову и оседая назад. А ведь ему следовало идти быстрее. Опасность подстерегала его не спереди, а сзади. Товарищ Лао Дун хвостиком семенил позади быка. Мы все держались на расстоянии трех-пяти метров, не сводя глаз с его спины.

И вдруг услышали, как он выпалил:

— Лао Гуань, начинай!

И вдруг увидели, как спина товарища Лао Дуна согнулась, отчего он стал похож на креветку. Его затылок оказался вровень с хребтом младшего лусийца. Он запустил обе руки между задних ног бычка. Мы не могли разглядеть, что он тво-

рит между ног бычка, но прекрасно знали, что там творится. Мы видели только то, как дергался хребет, оказавшийся ровень с затылком товарища Лао Дуна, но не понимали, почему лусийский бычок не рванул вперед. А еще мы слышали, как бычок тяжело и хрипло дышит, но не понимали, почему он не лягнул товарища Лао Дуна задними ногами, чтобы отбросить его назад.

Мы и ахнуть не успели, как товарищ Лао Дун выпрямился. Одно серо-белое бычье яйцо, еще дергаясь, лежало на раскаленной пыльной земле. Другое он держал на ладони.

— Лао Гуань, готово! — прогундосил он, зажав в зубах кривое лезвие.

— Неполных три круга, — сказал рябой дядюшка Ма. — Ладно, будем считать за три!

Он так паялся на часы, что пропустил захватывающее представление, которое товарищ Лао Дун учинил с младшим лусийцем.

— Что, все уже?! — ахнул он, заметив окровавленные бычьи яйца на земле и в руках товарища Лао Дуна. — Ничего себе, вы за три минуты быка охолостили! Да вы, товарищ Лао Дун, настоящий Ньюмо-ван!¹

Дедушка Ду обошел быка сзади и наконец нашел к чему придраться — меж бычьих задних ног болтался пустой мешочек кожи, весь в каплях крови.

— Товарищ Лао Дун, шовчик-то сделать нужно!

— Хотите шов — сделаю шов! — сказал товарищ Лао Дун. — Только, по моему опыту, так даже хуже заживает.

— Лао Ду, что ты тут митингуешь?! — заорал рябой дядя Ма. — Товарищ Лао Дун ветеринарную академию кончал, он на этих яйцах собаку съел! Я тебе неприятное скажу, он вообще-то за свою жизнь порезал яиц больше, чем ты пампушек сожрал!..

Товарищ Лао Дун смущенно поправил очки окровавленным пальцем:

¹ Божество-повелитель быков и коров в китайской мифологии.

— Ну что вы, Лао Гуань, вы преувеличиваете, это ж не беда вроде «снежища с гор Яньшань»!¹

Он бережно поднял с земли второе яйцо, аккуратно положил оба на выступающий корень ивы и скомандовал:

— Лао Ду, тащи другого быка.

Дедушка Ду перекинул поводья младшего лусийца какому-то зеваке и принял старшего из рук другого ротозея. Он беспомощно уставился на товарища Лао Дуна, но тот лишь вздернул подбородок: мол, тащи быка, не задерживай.

Старик дернул веревку, потянув большого бычка вперед, но тот упирался — точь-в-точь как его маленький брат — и вперед идти не хотел. А у меня аж сердце сжалось, я думал: «Да что ж ты не рванешь вперед? Ты же видел, что они с твоим малым сотворили».

Товарищ Лао Дун молча согнулся. Рябой дядя Ма забыл про часы и вместе с нами, как замороженный, подался вперед. Мы увидели, как сероватое бычье яйцо упало на раскаленную рыхлую землю, содрогаясь в последних конвульсиях. И тут же увидели, как товарищ Дун выпрямился, держа в руке бычье яйцо, а во рту — тот самый нож.

Мы услышали, как рябой дядя Ма, хлопая себя по бедру, кричит:

— Ну вы даете, товарищ Лао Дун, мое почтение! Мое, мать вашу, почтение и вслух, и в сердце, весь я наизусть — весь ваш! Вы даже Сунь Укуна за пояс заткнули, то, как он персики спер!²

Товарищ Лао Дун отнес оба яйца старшего лусийца под иву, аккуратно положив их рядом с яйной парой младшего. Развернувшись, окровавленным пальцем поправил очки в черной оправе, а затем резко дернул подбородком, подавая знак дедушке Ду, чтобы вел Двуспинка.

Старик жалобно посмотрел на рябого дядю Ма:

¹ Строка из стихотворения Ли Бо «Песня северного ветра».

² В романе «Путешествие на Запад» царь обезьян Сунь Укун украл персики с древа бессмертия из сада небожителей.

— Бригадир, а может, хоть одного бычка оставим на племя?

— Какое еще племя?! — всплеснул руками дядя Ма. — Я ж вам строго-настрого наказывал: смотрите в оба! А вы? Теперь, гляди, все коровы в округе брюхаты его телятками!

Товарищ Лао Дун вынул изо рта скальпель в форме ивового листа и изумленно воскликнул:

— Как?! Этот бык покрывал коров?!

Я не сдержался и поспешил влезть в разговор:

— Все тринадцать коров нашего стада! Даже родную мамашу!

— С какого ты, сопляк, во взрослые разговоры лезешь? — одернул меня дедушка Ду. — Ты хоть знаешь, из какой щели корова ссыт?!

— Я своими глазами видел, как он покрыл всех коров в стаде! — заявил я. — Только я знаю, как дело было, только у меня право слова есть! Дедушка Ду видел только то, как Двуспинок покрыл свою матушку, но решил, что раз связал ему передние ноги, то больше беды не будет. Вот и велел мне за коровами смотреть, пока сам на солнышке дрых под тулупом возле канавы. Все самое интересное я один видел! Старший и младший лусийцы тоже пытались, прыгали на коров, да только их стручки что красные перчики. Коровы тут же их бодали и сбрасывали. А Двуспинок — тот хитер был: делал вид, что траву щиплет, подбирался к корове поближе, а потом — раз! — и уже на спине у нее. Я его пытался прогнать палкой по гузну — хоть бы хны!..

И как раз, когда я разошелся, упиваясь самолюбованием, как гром среди ясного неба раздался крик рябого дяди Ма.

Я содрогнулся, увидев, как рябое лицо дяди Ма позеленело, а пороссячьи глазки сверкнули, прямо-таки шилом меня уколов.

— Веками наш Гуанев род праведными делами славился, и как же в итоге у нас отбросыш такой уродился?! — прошипел рябой дядя Ма, отвесив мне подзатыльник, который отшвырнул меня в сторону, после чего рявкнул на дедулю Ду: — Тащи быка, чего застыл!

Товарищ Лао Дун поднял руку:

— Погодите-ка, дайте осмотреть.

Товарищ Лао Дун наклонился и, протянув руку, пощупал меж задних ног Двуспинка. Двуспинок изогнулся, лягнул задней ногой и попал точно в колено товарищу Лао Дуну. Товарищ Лао Дун вскрикнул и шлепнулся на землю.

Рябой дядя Ма поспешно подскочил, помог товарищу Лао Дуну подняться и обеспокоенно спросил:

— Товарищ Лао Дун, ничего страшного?

Товарищ Лао Дун согнулся, потирая колено, и искривленным ртом проговорил:

— Ничего, ничего...

Дедушка Ду шлепнул Двуспинка по спине и с улыбкой поругал его:

— Ах, мерзавец! Как ты посмел лягнуть товарища Лао Дуна? Похоже, тебе жить надоело!

Товарищ Лао Дун, прихрамывая и подпрыгивая, доскакал до тени у стены дома Сяо Цзи, сел на землю и заявил:

— Лао Гуань, этого бычка кастрировать нельзя!

— Это почему же? — с тревогой спросил рябой дядя Ма.

— Он слишком часто спаривался, — ответил товарищ Лао Дун. — Кровеносные сосуды внутри теперь слишком толстые, можно легко все дело запороть, он тогда истечет кровью.

— Да не слушайте их чепухню! — вспылил рябой дядя Ма. — Он же еще теленок, он на два месяца младше тех двоих!

— Дайте мне, — сказал товарищ Лао Дун, протягивая руку к рябому дяде Ма.

— Что дать? — опешил рябой дядя Ма.

— Часы отдайте мне, — сказал товарищ Лао Дун.

Рябой дядя Ма поднял руку, посмотрел на часы на запястье и сказал:

— Неужели я прикарманил бы ваши часы?! Ну знаете ли!

— Я не говорил, что вы хотите прикарманить мои часы, — ответил товарищ Лао Дун.

— Товарищ Лао Дун, нам ведь непросто было пригласить вас, так выслушайте же меня внимательно, — сказал рябой